

**РЕМЛИ (REMLI)
против ФРАНЦИИ**

Судебное решение от 23 апреля 1996 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

16 апреля 1985 г. заявитель — француз алжирского происхождения и другой заключенный — алжирский гражданин, попытались совершить побег из французской тюрьмы Лион-Монлюк, оглушив одного из охранников, который впоследствии скончался от полученных ударов.

Оба заключенных были обвинены в преднамеренном убийстве и в попытке побега, и 12 августа 1988 г. и дела было передано в суд ассизов Роны. Процесс проходил с 12 по 14 апреля 1989 г.

13 апреля адвокаты заявителя обратились к суду с просьбой официально зафиксировать высказывание расистского толка, сделанное перед началом процесса одним из членов жюри. Это замечание было услышано лицом, не связанным с делом (г-жой М.). Адвокаты просили также приобщить к делу письменное заявление об этом с ее подписью. В тот же день суд отказал в первой просьбе, но распорядился о приобщении письменного заявления к делу.

14 апреля суд ассизов приговорил заявителя к пожизненному тюремному заключению. Он подал кассационную жалобу, где ссылаясь, в частности, и на нарушение статьи 6 п. 1 Европейской Конвенции о защите прав человека в связи с отказом суда ассизов зафиксировать вышеупомянутое высказывание в материалах дела. 22 ноября 1989 г. Кассационный суд отклонил его жалобу.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 16 мая 1990 г., заявитель утверждал, что суд рассматривавший его дело не был беспристрастным, а также имела место дискриминация, что явилось нарушением статьи 6 п. 1, а также этой статьи в сочетании со статьей 14. 12 апреля 1994 г. Комиссия объявила приемлемой к рассмотрению только жалобу, основанную на статье 6 п. 1. Комиссия не сочла необходимым рассмотреть отдельно жалобу, основанную на статье 14 Конвенции в сочетании со статьей 6 п. 1.

В своем докладе от 30 ноября 1994 г. Комиссия установила факты и пришла к выводу, что нарушение статьи 6 п. 1 имело место (семью голосами против четырех).

18 января 1995 г. Комиссия передала дело в Суд.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 6 Конвенции

28. Заявитель утверждает, что пострадал в результате нарушения статьи 6 п. 1 Конвенции, которая гласит:

“Каждый человек имеет право... при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на... разбирательство дела... независимым и беспристрастным судом...”

A. Предварительные возражения Правительства

29. Как и ранее в Комиссии, Правительство выдвигает два возражения против приемлемости жалобы.

1. Неисчерпание внутренних правовых средств

(a) Относительно жалобы, основанной на статье 6 Конвенции

30. По мнению Правительства, внутренние правовые средства не были исчерпаны: ходатайство о передаче суду ассизов документа, представленного г-ном Ремли не имело отношения к обстоятельствам дела и более того, он сам не требовал от суда, если имел основания для правомерного подозрения, провести расследование или отказаться от рассмотрения дела в подобном составе.

Суд ассизов Роны не мог судить о фактах, которые, даже если они и имели место, происходили вне зала суда. Не настаивая на проведении расследования по этим фактам, истец лишил себя средства правовой защиты, которое могло бы предотвратить предполагаемое нарушение. Действительно, если бы данный факт был подтвержден в ходе слушания, то суд мог бы заменить члена жюри, о котором шла речь. Если бы суд ассизов отказался удовлетворить ходатайство о таком расследовании, г-н Ремли мог бы подать в уголовную палату Кассационного суда жалобу с требованием, чтобы в связи с правомерно возникшими подозрениями, суд ассизов отказался от рассмотрения дела. Такая процедура возможна, если речь идет о суде в целом, а не одном или нескольких членах коллегиального судебного органа, подозреваемых в пристрастности. Поскольку в данном деле член жюри, о котором шла речь, не был отозван, это могло отразиться на беспристрастности суда в целом, и на основании статьи 662 Уголовно-процессуального кодекса Кассационный суд мог бы принять соответствующее решение.

31. По мнению заявителя, суд ассизов должен был распорядиться *ex officio* о проведении расследования, если он счел недостаточно доказательным письменное заявление г-жи М. Впрочем, требование о проведении расследования не может, по мнению заявителя, считаться средством правовой защиты в смысле статьи 26 Конвенции. Что касается ходатайства от отказе суда на основании имеющихся подозрений от рассмотрения дела, то

оно имеет чрезвычайный характер и может быть направлено только против всего состава суда, а не одного члена жюри. И, поскольку такое ходатайство не имеет отлагательного действия, суд ассизов продолжал бы заседать в любом случае, независимо от последствий.

32. Комиссия согласна с последним доводом.

33. Суд напоминает, что конечной целью статьи 26 является дать государствам-участникам возможность предотвратить или исправить нарушения, в которых их обвиняют, до того, как произойдет обжалование в органы Конвенции (см. например, решение по делу Хентриха от 22 сентября 1994 г. Серия А, т. 296-А, с. 18, п. 33). Так, жалоба, которую истец намеревается подать в Комиссию, должна быть рассмотрена хотя бы в основных чертах соответствующими национальными судебными органами в форме и в сроки, предусмотренные внутренним законодательством. Тем не менее исчерпанными должны считаться только реальные средства правовой защиты, с помощью которых можно было исправить совершенные нарушения (см. помимо проч. решение по делу *“Прессос Компания Навьера” и другие* от 20 ноября 1995 г. Серия А, т. 332, с. 19, п. 27).

34. В данном случае требование официальной оценки судом ассизов упомянутого высказывания являлось одним из предварительных шагов для дальнейших обращений в Кассационный суд, так как Кассационный суд не может рассматривать жалобы, по которым суд ассизов не принимал никаких решений и которые не зафиксированы в его судебных протоколах. Конечно, суд ассизов был вправе отказаться от оценки фактов, которые имели место за пределами суда, но он полномочен распорядиться о проведении соответствующего расследования (см. п. 21 выше). Учитывая эти обстоятельства, а также то, что заявитель представил суду письменное свидетельство г-жи М., Суд считает, что тем самым он дал суду ассизов возможность последующих действий и это являлось реальным средством правовой защиты.

Жалоба с требованием отказа суда от рассмотрения дела в связи с правоммерно возникшим подозрением, может иметь своим предметом только весь состав суда в целом.

Когда встает вопрос о пристрастности определенного члена суда, возможна процедура отвода. Однако если речь идет об ассизах, то отвод может осуществляться лишь в момент отбора по жребию членов жюри, поэтому в данном случае к ней нельзя было прибегнуть.

Следовательно, возражение надлежит отклонить.

(b) О жалобе на основании статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 6

35. Правительство утверждает, что г-н Ремли не обращался в национальные суды с жалобой на дискриминацию, основанную на расе или этническом происхождении. То есть на статью 14 заявитель впервые сослался в органах Конвенции.

36. По словам заявителя, на нарушение статьи 14 он может сослаться в органах Конвенции в той степени, в которой это возможно на основе решения Кассационного суда.

37. В своем решении о приемлемости Комиссия пришла к выводу, что эта жалоба поглощена жалобой на основании статьи 6 п. 1 и, следовательно, нет необходимости рассматривать их по отдельности.

38. Учитывая цель требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты (см. п. 33 выше), Суд принимает возражение Правительства в отношении статьи 14 в сочетании со статьей 6 (см. п. 53 ниже).

2. Об опоздании с подачей жалобы

39. Правительство основывается также, причем в качестве вспомогательного довода, на опоздании в подаче жалобы. Решение от 22 ноября 1989 г. об отклонении кассационной жалобы не является окончательным решением внутреннего судебного органа, от которого начинается отсчет шестимесячного срока для обращения в Комиссию. Кассационный суд, рассматривает вопросы права дела не по факту и поэтому он считал, что суд ассизов сам должен определить свое отношение к фактам, о которых идет речь. Следовательно, данный срок начинает течь с 14 апреля 1989 г. — даты данного промежуточного решения суда ассизов, и заявитель в этот срок не уложился.

40. Г-н Ремли не согласен с этим аргументом. Кассационное обжалование промежуточных решений суда ассизов специально предусмотрено последним пунктом статьи 316 Уголовно-процессуального кодекса.

41. В своем решении о приемлемости жалобы Комиссия учитывала статью 316 Уголовно-процессуального кодекса. Она напомнила, что Кассационный суд считает себя правомочным выносить решения о нарушениях Конвенции, которая имеет прямое действие во французской правовой системе; Правительство не доказало, что обжалование в Кассационный суд на основании Конвенции решится судебной практикой так, что это не может считаться эффективным средством правовой защиты в смысле статьи 26 Конвенции.

Представитель Комиссии отметил также, что Кассационный суд не объявил неприемлемой жалобу о нарушении статьи 6 Конвенции.

Датой, принимаемой за точку отсчета в соответствии со статьей 26, является дата вынесения решения Кассационным судом, то есть 22 ноября 1989 г.

42. Суд напоминает, что подача кассационной жалобы является одним из средств защиты, которые в принципе необходимо исчерпать, чтобы выполнить требования статьи 26. Даже если предположить, что это средство изначально было обречено на неудачу, тем не менее подача кассационной жалобы не была бесполезным действием; она способствовала по меньшей мере тому, что оказалась перенесенной исходная точка шестимесячного срока (см., наконец, решение по делу *А. против Франции* от 23 ноября 1993 г. Серия А, т. 277-В, с. 47—48, п. 30). Следовательно, возражение об опоздании в подаче жалобы следует отклонить.

В. Об обоснованности жалобы

43. По мнению г-на Ремли, суд, который должен судить лиц иностранного происхождения или просто иностранцев, не будет беспристрастным, если в его состав входит лицо, которое публично заявляло до начала разбирательства дела о своих расистских настроениях. Такое лицо, не будучи полностью объективным, не должно участвовать в процессе.

Однако суд ассизов Роны отклонил его просьбу засвидетельствовать упомянутые высказывания, хотя был вправе это сделать. Письменное заяв-

ление г-жи М. было ясным, подробным, логичным и недвусмысленным, в нем точно воспроизводилось сказанное и конкретно указывалось, кто это сказал.

Если, как в данном случае, приводимые факты могут вызвать весьма сильные сомнения относительно беспристрастности одного из членов жюри, то, по мнению заявителя, суд был обязан это зафиксировать, иначе он отказывает обвиняемому в том, чтобы его дело разбиралось беспристрастным судом. Короче говоря, суд ассизов и Кассационный суд обязаны были отреагировать.

44. Правительство признает, что суд, в составе которого есть член, объявляющий себя расистом, не может считаться беспристрастным. Тем не менее реальность таких расистских взглядов должна быть установлена с уверенностью, нужны также доказательства того, что они могли повлиять на вынесение приговора. Однако в данном случае свидетельство г-жи М. не является достаточно серьезным, оно ничем не подкрепляется, поэтому не может служить доказательством, которое объективно поставило бы под сомнение беспристрастность ассизов. Во-первых, оно находится в противоречии с утверждениями адвокатов заявителя, а во-вторых, фраза: “К тому же я расист”, могла быть произнесена в шутливой форме или в связи с другим делом, или только в адрес второго обвиняемого по этому же делу — гражданина Алжира, а не в адрес заявителя, являющегося гражданином Франции. Следовательно, нельзя считать установленным сомнение в беспристрастности одного из членов состава жюри, который рассматривал дело заявителя.

Кроме того, суд не обязан проверять все высказывания члена жюри, которые он мог делать до избрания по жребию. В данном случае член, о котором идет речь, отвода не получал. После этого под сомнение ставится беспристрастность всего состава жюри. Однако в данном деле сложно охарактеризовать весь состав как пристрастный, тем более что на основании Уголовно-процессуального кодекса решение не в пользу обвиняемого может быть вынесено только большинством по меньшей мере в восемь голосов.

45. По мнению Комиссии, свидетельство г-жи М. лишено противоречий и позволяет точно определить личность говорившего. Поскольку суд ассизов не проверил факты, на которые ссылался заявитель, последний вполне может усомниться в его беспристрастности, и опасения заявителя в этом плане объективно оправданны. Следовательно, налицо нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции.

46. Суд напоминает принципы, сложившиеся в его судебной практике относительно независимости и беспристрастности судов. Они действуют и для жюри, и для судей — профессиональных или нет (см. решение по делу Хольма от 25 ноября 1993 г. Серия А, т. 279-А, с. 14, п. 30).

При принятии решения о наличии в конкретном деле легитимных оснований для сомнений в беспристрастности одного из судей, мнение обвиняемого принимается во внимание, но не играет решающей роли. Решающим является то, могут ли опасения заявителя считаться объективно обоснованными (см., в частности, решения по делам Сарайва де Карвалью от 22 февраля 1994 г. Серия А, т. 286-В, с. 38, п. 35, и Падовани от 26 февраля 1993 г. Серия А, т. 257-В, с. 20, п. 27).

47. Суд отмечает, что в данном случае суд ассизов Роны должен был судить лиц североафриканского происхождения — г-на Ремли и его напар-

ника, а третье лицо — г-жа М. — письменно показала, что слышала, как один из членов жюри заявил: “К тому же я расист”.

Суд не обязан оценивать доказательственную силу письменного заявления г-жи М. или уточнять, что в действительности сказал член жюри. Суд ограничивается констатацией, что адвокаты заявителя обратили внимание суда на упомянутое высказывание, которое носит серьезный характер в контексте данного дела и попросили его зафиксировать. Суд отклонил эту просьбу, не вникнув в представленное ему доказательство, под чисто формальным предлогом, что он не может “приобщать к делу факты, имевшие место вне зала суда”. Кроме того, суд не распорядился провести расследование по этому факту, в то время как он был полномочен это сделать. Следовательно, заявитель не имел возможности ни добиться замены данного члена жюри на кого-либо из запасных, ни сослаться на вышеупомянутый факт в своей кассационной жалобе (см. п. 21 выше). Он не имел также возможности дать отвод вышеназванному лицу, поскольку состав жюри уже был образован (см. п. 17 выше), а подача апелляционной жалобы на решение суда ассизов невозможна (см. п. 16 выше).

48. Как и Комиссия, Суд считает, что статья 6 п. 1 Конвенции подразумевает, что любой национальный судебный орган в серьезных случаях, подобных этому, обязан проверять, является ли данный судебный состав “беспристрастным судом” в свете этой статьи.

Однако в данном деле суд ассизов Роны не провел такую проверку, создав таким образом ситуацию, противоречащую требованиям Конвенции. Этого уже достаточно, учитывая важность доверия, которое суды в демократическом обществе обязаны внушать представшим перед ними, чтобы Суд констатировал факт нарушения статьи 6 п. 1.

II. О применении статьи 50 Конвенции

49. В соответствии со статьей 50 Конвенции,

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из... Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

A. Моральный вред

50. Г-н Ремли требует 1 000 000 французских франков в качестве возмещения морального ущерба.

51. Представитель Комиссии предлагает Суду оценить названный ущерб по справедливости.

52. Как и Правительство, Суд считает, что признание факта нарушения статьи 6 п. 1 само по себе является достаточно справедливым возмещением.

B. Пересмотр решения или смягчение наказания

53. Заявитель требует также, чтобы его дело было пересмотрено судом ассизов, гарантирующим беспристрастность разбирательства, а в слу-

чае отказа — чтобы его наказание, т. е. пожизненное тюремное заключение, было сокращено до пятнадцати лет тюремного заключения.

54. Как и Правительство, и Представитель Комиссии, Суд напоминает, что статья 50 не наделяет его полномочиями давать такие указания государствам-участникам (см., например, решение по делу Саиди от 20 сентября 1993 г. Серия А, т. 261-С, с. 57, п. 47).

С. Судебные издержки и расходы

55. Г-н Ремли требует 166 896 французских франков (включая налог на добавленную стоимость) за издержки и расходы, в том числе 118 600 французских франков за издержки и расходы в национальных судах и 48 296 французских франков за издержки и расходы в органах Конвенции.

56. Правительство утверждает, что заявитель не представил документов в обоснование этих расходов, поэтому его просьбу следует отклонить или отложить принятие решения о применении статьи 50; в любом случае не следует возмещать издержки и расходы в национальных судах.

57. Что касается представителя Комиссии, то он считает, что возмещение издержек и расходов должно быть ограничено теми издержками и расходами, которые были понесены с целью исправить как на национальном, так и на международном уровнях нарушение, на которое ссылается заявитель.

58. Учитывая, что в своей жалобе и в дополнительных замечаниях заявитель подробно изложил свои претензии, Суд присуждает заявителю в порядке справедливого возмещения 60 000 французских франков, включая НДС.

Д. Проценты за просрочку

59. По сведениям Суда, во Франции установленная законом процентная ставка на момент принятия настоящего решения составляла 6,65% в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отклонил* семью голосами против двух предварительное возражение Правительства, основанное на том, что не исчерпаны все внутренние средства по жалобе на основании статьи 6 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что в связи с тем, что не исчерпаны все внутренние средства, он не может рассматривать жалобы на основании статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 6;

3. *Отклонил* единогласно предварительное возражение Правительства, основанное на утверждении о пропуске шестимесячного срока на принесение жалобы;

4. *Постановил* пятью голосами против четырех, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

5. *Постановил* единогласно, что настоящее решение является достаточно справедливым возмещением ущерба, на который ссылается заявитель;

6. *Постановил* восемью голосами против одного, что государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить заявителю 60 000 (шестьдесят

тысяч) французских франков в покрытие судебных издержек и расходов, причем эта сумма должна быть увеличена на некапитализируемые проценты из расчета 6,65% годовых начиная с даты истечения вышеназванного срока и вплоть до выплаты;

7. *Отклонил* единогласно требование справедливого возмещения в остальном.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 апреля 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОРА ВИЛЬЯЛМСОНА

По поводу предварительных возражений Правительства я согласен с большинством членов Суда.

В то же время я бы хотел сделать следующие замечания по существу дела.

Если рассматривать нарушение, на которое ссылается заявитель, с точки зрения повседневного опыта судей и адвокатов, то мне кажется очевидным, что это нарушение не таково, чтобы оно могло повлиять на приговор, даже если предположить, что заявитель точно излагает факты. Уважая иное мнение, я нахожу эту жалобу настолько малозначительной, что дело не подпадает под проблематику прав человека. Следовательно, я не согласен с большинством членов Суда насчет обоснованности дела и не вижу никакого нарушения Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Я голосовал в составе меньшинства за отсутствие нарушения Конвенции, не соглашаясь с логикой большинства членов Палаты.

Большинство считает, что отказ суда ассизов рассмотреть и дать оценку письменному заявлению г-жи М. позволяет поставить под сомнение, по крайней мере с точки зрения г-на Ремли, беспристрастность суда в смысле статьи 6 Конвенции.

Чтобы прийти к этому выводу, Палата исходит из текста заявления г-жи М., составленного следующим образом:

“Я, нижеподписавшаяся г-жа (М.), клянусь честью в том, что присутствовала при следующем:

Около 13 часов я стояла у дверей суда рядом с группой людей. Из их беседы я случайно услышала, что они входят в состав жюри, отобранного по жребию для дела Мерджи (и) Ремли.

Один из них произнес следующие слова: “К тому же я расист”.

Я не знаю имени этого человека, но могу показать, что он находился слева от члена жюри, который сидел слева от того судьи, который сидел слева от председателя.

Я не могу прийти в зал заседаний, чтобы подтвердить эти факты, так как моя дочь недавно была помещена в больницу, но, если будет необходимо заслушать меня, предоставляю себя в распоряжение правосудия, в доказательство чего я составила настоящее свидетельство”.

Палата учитывает также аргументы суда ассизов:

“(…)

Принимая во внимание, что согласно письменному заявлению некоей г-жи (М.) от 13 апреля 1989 г. один из членов жюри по настоящему делу заявил у дверей суда в 13 часов: “К тому же я расист”;

Что согласно этому свидетельству эти слова были сказаны до открытия первого слушания по данному делу и не в присутствии состава суда;

Что, таким образом, суд не может рассматривать факты, которые якобы имели место вне зала суда;

(…)”

В п. 47 Палата оговаривает, что она не оценивает доказательственную силу заявления, но принимает во внимание его содержание и указанную в нем дату. При этом Палата по крайней мере косвенно допускает, что эти слова были услышаны 12 апреля 1989 г. и, следовательно, суд ассизов должен был на них отреагировать.

Но текст заявления не допускает толкования. В своей буквальной формулировке он означает, что эти слова были услышаны 13 апреля 1989 г.; 12 апреля г-жа М., стоя у дверей суда, не могла знать до начала слушаний, что речь идет об одном из членов жюри по делу Ремли, так как отбор по жребию его членов состоялся лишь после 13 часов.

Адвокат г-на Ремли представил эти слова как произнесенные 12 числа, что явно ошибочно. Впрочем, 12-го при отборе по жребию этому члену жюри мог быть дан отвод, как это было сделано в отношении некоторых других кандидатов. 13-го это уже было невозможно. Следовательно, отказ зафиксировать этот факт был обоснованным. В любом случае 13-го защита располагала другими средствами прояснения этой трудности — либо просить заслушать г-жу М. на основании дискреционных полномочий председателя, либо попросить о расследовании. Даже если бы эти просьбы не были удовлетворены, защита могла бы воспользоваться этими отказами; однако из тактических соображений защита решила действовать иначе. В решении Суда (п. 48) содержится упрек суду ассизов за то, что он не стал проверять заявление. Здесь есть риск подменить собой национальный суд в его оценке фактов.

Было бы более логично, если бы Суд проанализировал, почему названные выше возможные ходатайства не были заявлены защитой и почему она не подала, в связи с законными подозрениями, требования о передаче дела в палату по уголовным делам Кассационного суда. Если бы последняя приняла дело к своему рассмотрению, это означало бы сомнение в беспристрастности всего состава суда ассизов, а не одного члена жюри.

Но в смысле статьи 6 Конвенции средство для исправления возможной небеспристрастности может появиться именно в результате жалобы на весь состав суда, а не жалобы, направленной исключительно против одного судьи или против одного члена жюри.

В любом случае Суду следовало высказаться по этому вопросу и о последствиях, которые могла повлечь подача жалобы о законных подозрениях.

Более того, в данном деле ничто во внутренней процедуре не позволяло установить, что эти слова, если они и были произнесены, оказали бы решающее воздействие на жюри в целом и на итог голосования (см. п. 44 решения).

Следует остерегаться крайностей в теории предположений в отношении статьи 6 Конвенции.

В нашем конкретном случае мне представляется, что Палата отступила от традиционной линии суда, не приняв во внимание внутренние средства правовой защиты, которые могли бы исправить по крайней мере на уровне высшей судебной инстанции риск несоблюдения правила беспристрастности.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛОПЕСА РОХА

Я сожалею, что не согласен с мнением большинства по существу дела.

Как и г-н судья Петтити, я считаю, что в данном случае ничто не доказывает, что слова, приписываемые одному из членов жюри, могли бросить тень сомнения на беспристрастность всего суда: если они действительно были сказаны, то их недостаточно, чтобы разумно предположить, что они ставят под вопрос беспристрастность всего вышеназванного суда.

Такие слова, выхваченные из контекста, подробности и особые обстоятельства которого неизвестны, могли быть сказаны в шутку, они совсем не обязательно свидетельствуют о предвзятости, которая могла бы повлиять на голосование того, кто их произнес, при принятии коллегиального решения.

Как подчеркивает г-н судья Тор Вильямсон в своем особом мнении, жалоба настолько незначительна по сравнению с остальными фактами дела, что она не может разумно убедить в наличии нарушения права на беспристрастный суд.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МИФСУДА БОННИЧИ

1. Учитывая процессуальные возможности заявителя, после того как его адвокат сообщил ему о словах, которые якобы были услышаны г-жой М., я полагал, что его жалоба обречена на провал, так как он не исчерпал внутренних средств защиты до обращения к органам Конвенции.

2. Состав суда ассизов был сформирован, и суд начал заслушивать свидетелей. По нормам Уголовно-процессуального кодекса Франции, на этом этапе дать отвод члену жюри уже невозможно. Следовательно, заявитель

был прав, когда просил суд зафиксировать инцидент, о котором сообщила г-жа М. Суд не назначил расследования, но тем не менее распорядился, чтобы письменные выводы адвоката и заявление г-жи М. были приобщены к протоколу судебного заседания.

3. На этом этапе процесса заявитель мог бы воспользоваться положениями статьи 662 Уголовно-процессуального кодекса (п. 23 решения), попросив Кассационный суд передать дело в другой суд в связи с законным сомнением в беспристрастности. Он мог это сделать, так как суд приобщил к протоколу судебного заседания заявление г-жи М., а также письменные выводы защиты. Это решение суда практически не могло преследовать иной цели, учитывая особенности внутренних уголовно-процессуальных норм.

4. Конечно, согласно судебной практике Кассационного суда, такая просьба может быть удовлетворена, только если подозрение в пристрастности распространяется на весь состав суда, а не на одного из его участников, но я считаю, что Кассационный суд был бы в состоянии пересмотреть свою судебную практику в этой области с точки зрения норм Конвенции, которым отныне должны следовать французские суды. Французская правовая система не знает правила прецедента.

5. Мне могут возразить, что это значило бы требовать от заявителя слишком многого. Я считаю, что таков дух статьи 26 Конвенции, согласно которой должны быть исчерпаны все возможные внутренние средства защиты до обращения в органы Конвенции. Любое государство-участник должно использовать все представляющиеся возможности, чтобы “предотвращать или исправлять нарушения, якобы имевшие место”, как это сказано в решении по делу Кардо от 19 марта 1991 г. (Серия А, т. 200, с. 19, п. 36) и в более раннем решении по делу *Де Вильде, Оомс и Версин против Бельгии* от 18 ноября 1970 г. (Серия А, т. 12, с. 29, п. 50), в котором государствам предлагалось “исправлять [их действия] в своих внутренних правовых системах”. Учитывая жесткость уголовно-процессуальных норм во Франции, я считаю, что было тем более необходимо применить в данном случае статью 26, поскольку действия, о которых идет речь, могут часто повторяться в делах, разбираемых судами ассизов. Кроме того, в моем мнении меня поддерживает то обстоятельство, что суд присяжных легко мог бы заменить одного из членов жюри на запасного, если только суд не считал, что с точки зрения Уголовно-процессуального кодекса он полномочен на это только в случае прямого или косвенного указания Кассационного суда.

6. Учитывая все вышесказанное, я не стану анализировать дело дальше, т. к. мне кажется нелепым предположение, что расистские предрассудки одного из девяти членов жюри, заседающих вместе с тремя профессиональными судьями, могут поставить под сомнение “справедливость” всего процесса, так как суд якобы не будет “беспристрастным”. По моему мнению, это обстоятельство в контексте всего процесса (решение по делу Барбера, Мессега и Ябардо от 6 декабря 1988 г. Серия А, т. 146, с. 31, п. 68) не оправдывает принятия решения о наличии нарушения статьи 6 п. 1 Конвенции.